

Как существует человек и как существуют события¹

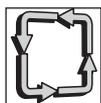
А.Ю. АНТОНОВСКИЙ

После знакомства с провокативным тезисом А.Л. Никифорова первый вопрос, который приходит на ум, – о причинах возникновения проблемы, которая так заботит автора. Эта проблема, на мой взгляд, возникает из неразличения автором двух важнейших лингво-фило-софских характеристик слова или понятия, а именно – смысла и значения. В своем комментарии я кратко покажу, что следует тщательно различать случаи, где существование объекта действительно зависит от его смысла, и случаи, где значение и существование объекта является «объективным» или не зависит от смысла имени.

Случай Петра Куслия. А.Л. Никифоров осуществляет следующий процесс – выбирает некоторый интуитивно кажущийся нам уникальным объект, наделенный огромным массивом свойств, делающих его столь уникальным (возраст, статус, имя, характер П. Куслия, его восприятие другими людьми etc.). Затем докладчик начинает процедуру, которую можно было бы назвать «вычитанием свойств». Так, восприятие Петра его матерью (всегда более узкое и однобокое), оказывается, не определяет Петра сущностным образом, да и вообще не отвечает бытию этого человека, как он существует сам по себе. Затем «вычитаются» свойства героя доклада, открывающиеся его коллегам. В результате такого «вычитания» мы получаем в высшей степени тощую категорию «Петр Куслий». Она хотя и указывает или реферирует к физически данному объекту (значение), но почти лишена всякого *смыслового* содержания. Смысл в отличие от объекта будем понимать в его фрегевском смысле² – как способ явле-

¹ Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-03-00085.

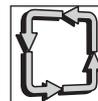
² У понятия «Венера», по Фреге, есть значение – планета, существующая в физическом смысле, в своей уникальности (орбита, масса) отличная от всех других планет Солнечной системы. Но у него есть и смыслы – «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда». Смыслы – суть способы явленности значения, его многочисленные модусы существования или данности восприятию реципиентов.

ния объекта наблюдателю (в нашем случае – матери, коллегам и т.д.). Итак, делает вывод автор, выделение категории «Петр Куслий» не имеет почти никакого смысла. Категория является в высшей степени абстрактной, практически бесполезной. Ведь с Куслием как таковым, вне его данности тому или иному наблюдателю, вне его восприятия тем или иным коллегой или знакомым никто в сущности никогда и нигде не встречается. А что не воспринимается, как свидетельствует Беркли, то и не существует.

Эта процедура вычитания свойств выглядит естественно-понятной и делает «куслий-тезис» вполне убедительным. Но зададимся вопросом о том, что заставляет прибегать к этой процедуре. Почему не начать «прибавлять» свойства, как бы нанизывая их на этот «несуществующий» нуклеус. Собственно, это А.Л. Никифоров и делает неявным образом, когда утверждает, что подлинный и синтетический Петр Куслий – суть сумма восприятий его коллег и родственников, и Куслий в молодости, и Куслий в зрелом возрасте. Смысл Куслия – это весь массив его проявлений, событий его жизни и явлений другим. Значение Куслия – это его уникальный экзистенциальный статус, который можно зафиксировать по любому маркеру (паспорт, генотип, отпечатки пальцев и т.д.), отличающему его от всех остальных не-куслиев. Заявление о его несуществовании, если переводить с особого словоупотребления Никифорова, означает всего лишь утверждение о возможности различать разные модусы данности Куслия (и при необходимости отвлекаться от них). Существование или несуществование человека, обычно связываемое со значением имени (т.е. некоторым физическим объектом), автор связывает с отсутствием некоторого всеохватывающего *смысла* (т.е. общезначимой данности свойств этого человека во всем его своеобразии всем наблюдателям). Такого смысла у Петра Куслия действительно нет, поскольку смыслы меняются, вычитаются и прибавляются, а значение (уникальность существующего объекта в физическом смысле, его неравнозначность другому) никак не отменяет существование значения.

Случай Сталинградской битвы. Иным образом обстоит дело с другими примерами автора – «уникальными» историческими событиями (скажем, Сталинградской битвой). Их значения словно «рождаются» в их описаниях, они не являются физическими объектами, биологическими организмами или личностными системами, их уникальность нельзя зафиксировать, выделив некий воспроизводящийся маркер или паттерн (каковым может служить, например, генотип для живого организма). Пример Сталинградской битвы, которая, как оказывается, состояла из весьма гетерогенных и слабо интегрируемых «этапов» (обороны, контратак, окружения и т.д.), показывает, что применительно к некоторым «реалиям», биографиям, историческим событиям и процессам, действительно оправданно выводить *значе-*

ния событий из того *смысла*, который «открывается» восприятию наблюдателей. Уникальность объекта, его экзистенциальный статус оказываются зависимыми от того множества наблюдений и описаний (смыслов, т.е. исторических исследований, монографий и представлений в медиа, литературе, искусстве и образовании), в которых некая последовательность событий снова и снова воспроизводится как единство и которые постепенно словно конденсируются и предстают перед новыми поколениями как объективно данное единое и уникальное событие.